

ПОЭТ-ОТШЕЛЬНИК

Однажды в редакции появился высокий, очень прямой, сухощавый человек лет семидесяти, одетый в темно-синее старомодное демисезонное пальто, стерильно чистое, без единой пушинки на ворсе. Он достал тетрадь для дипломных работ страниц этак на триста и положил на стол. Он походил на старого сельского учителя, быть может, еще работающего. Я покосился на тетрадь и поспешил сказать, что прочту стихи не так скоро.

— А я хотел бы попросить вас прочитать хотя бы небольшую часть сегодня, — после паузы проговорил он. — Я из деревни и завтра утром уеду.

Сошлись на том, что он зайдет в редакцию к вечеру, а я постараюсь прочесть несколько стихотворений...

Пролистав тетрадь, я испытал легкий шок. Она была исписана ровным, убористым, я бы сказал, неким современным «уставом» с первой по двухсотую страницу. Показалось даже, что текст набран каким-то неизвестным доселе типографским шрифтом, буквока к буквке, с одинаковыми пробелами между буквами и словами, с одинаковым расстоянием между строками. Я взялся за стихи. И чем далее их читал, тем более убеждался, что написаны они одаренным человеком, быть может, несколько просто-душно ориентированным на русскую классику XIX века, но написанным крепко, мастеровитой рукой. Бывали места скучноватые, равнинные, местами терялось внимание, как теряется оно у водителя, едущего по однообразной русской равнине, но автор тетради выезжал и на холмы, возвышенности, являлись дали. Да ведь и классики иногда писали «кюхельбеккерно и тошно». Главное, не было фальши. Поражали широкая культура автора, знание поэзии, мифологии, истории, этнографии, фольклора. Словом, за ними представлялся хорошо образованный человек, переехавший в деревню из Твери или Москвы. Каково же было мое удивление, когда Алексей Федорович сказал мне, что всю свою жизнь он прожил в родной деревне Рамешковского района. А на вопрос, не учитель ли он, Мальцев ответил:

— Я выше должности бригадира строительной бригады колхоза не поднимался. Вся жизнь работал чернорабочим в колхозе, выполнял все неотложные работы. Фуражил на лошадах, управлялся с плугом и лукошком сеятеля в поле, орудовал косой, граблями и вилами на покосах, пилой и топором в лесу, щепал дранку на

дранкощепке, крыл крыши, молотил хлеба, убирал картошку, возил навоз. Копал и колодцы...

— Вот только любимого советскими поэтами-деревенщиками слова «трудодень» почему-то в ваших стихах не нашел. Какое же у вас образование?

— Семилетка. Но я всю жизнь читаю, Михаил Григорьевич, всю жизнь собираю библиотеку.

И он сдержанно рассказал, что в его личной библиотеке более двух тысяч томов. Что, бывая в райцентре или Твери, он в первую очередь обходит книжные магазины, а уж хозяйственные — напоследок...

Поэзию Алексей Федорович знал великолепно, казалось, нет имени поэтического, о ком бы он не слышал, кого бы не читал. Зашла речь о переводах. И о них он имел свое суждение:

— По переводу, даже не зная языка, всегда почувствуешь, хорош он или нет. Я заметил, что переводят произведения до тех пор, пока не появится перевод совершенный... Сколько русских поэтов переводили «Фауста»? Не меньше десяти. Холодковский, Гербель, Жуковский, последний перевод, по-моему, у Бориса Пастернака был. Хороший перевод, цветистый, правда, для драматического произведения, не хороший. И все-таки, думаю, будут еще попытки перевести «Фауста». Не дотягивают эти переводы до совершенства. А вот за перевод «Песни о Гайавате» после Ивана Алексеевича Бунина уже никто не возьмется. Около ста лет прошло, а никто и не пытается «Гайавату» переводить...

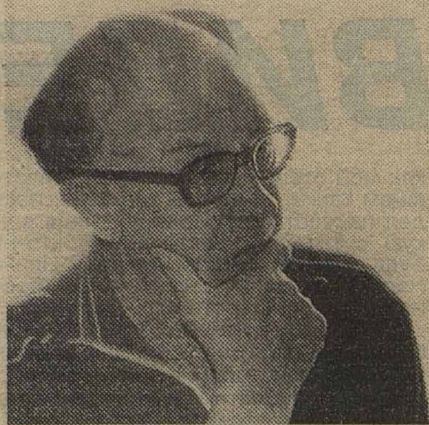
Вот так мы сидели потом и на равных говорили о поэзии, о современной литературе, о романах Данилевского, о зигзагах русской истории. Когда он распрощался и ушел, я снова взялся за его тетрадь:

*Над тихим омутом реки,
Над ивами прибрежными
Кружились в танце мотыльки,
Поденки белоснежные...*

*Косматый, льву подобный Зевс
И молодая нимфа.
По склонам гор — зеленый лес
В окрестностях Коринфа...*

Потом долго разговаривали по телефону с его дочерью, директором Калининской сельской библиотечной сети...

Я сказал ей, что поражен стихами ее отца, что, будь на то моя воля и средства, я бы издал ее полностью, не меняя ни буквы, как явление современной провинциальной культуры.

Алексей МАЛЬЦЕВ.

— А я всегда это чувствовала, — отвечала она. — Мы все, трое его детей, получили высшее образование, но все трое знаем, что так и не достигли той духовной высоты и тех знаний, каких достиг отец самообразованием и самовоспитанием... Для меня он просто недосыгаем. Представьте себе, что каждый вечер дома мы видели одну и ту же картину: отец придет с работы, поужинает, сделает все по дому, а когда мы все уляжемся спать, он садится за стол, открывает книгу, берет ручку, бумагу и начинает свое бодрствование...

Читать и понимать стихи Мальцева — дело непростое, требует от рядового читателя труда, внутренней культуры, знания русской поэзии от Тредиаковского до Бунина и Твардовского. Слово его аскетично, неброско, как неброски цветы катун-травы, растения, особо почитаемого нашими предками-славянами.

*Ракита, калина,
Боярышник, хмель,
Шиповник, малина
И конский щавель.
Ольха, можжевельник,
Мышиный горох,
Крушина, репейник,
И... чертополох!*

Все это наше, читатель, мы с этим живем, мы это любим, но почему-то признаться в этой любви не хватает мужества. Алексей Мальцев своей любви не скрывает. Он любит все это искренне, сдержанно, по-русски. Он однолюб. Даже дерево секвойя, живущее три тысячи лет, не может сравниться в его душе с русской рябиной, вцепившейся коготками корней в купол разрушенной сельской церкви...

Поэт лаконичен и точен в выборе красок. Песок аравийский у него «безжалостно жгуч», бедуины идут по пустыне «безошибочным следом», «мука познания» у него радостна. Вот косит он луг и «стелет полукруг коса в поле бредущем», одновременно как бы и

брея траву, и летя крылом стрижа над утренним лугом.

Стихи Мальцева неравноценны, сказало его отшельничество, отсутствие литературной среды, «книжное» общение с поэтическим цехом. Иногда он слишком прост и наивен, прозаичен и описателен, особенно в больших поэмах. Но в лучших своих стихах он — Поэт. Читая их, поневоле вспоминаешь, что Алексей Федорович еще и великолепный плотник и столяр. Срубленные им дома чем-то напоминают его же стихотворения, так в них все рифмуется и поет: строчка на строчку, венец на венец, реальное соседствует с заветным и ничто не мешает друг другу.

*По склонам окрестным пасу я овец,
Лежит мое стадо на месте.
На круче гранитной сорву эдельвейс
В подарок пастушке-невесте.*

*Но в башне на круче, я вижу, по мне
Царица Тамара скучает,
Рубиновый перстень на ручке в окне,
Как звездочка в небе, мерцает.*

*Часы откровений в ночной тишине.
Мир низенькой нашей лачужке!
Поведаю я о Тамаре-княжне
Моей благодушной пастушке...*

Эти два мира — мир Красоты, Поэзии, мир Прекрасной Дамы, царицы Тамары и скромный реальный мир простодушной пастушки, Феклы, — каким-то волшебным образом уживаются в душе поэта.

Да, наверное, ему не удалось подняться до горных высот поэзии, хотя таланта для этого, на мой взгляд, достало, и он честно в этом признается, предпосылая своей тетради эпиграф из П.А. Плетнева:

*Сомнения прочь, на поприще своем
Я не свершил достойного поэта:
Но мысль моя божественным огнем
В минуты дум не раз была согрета...*

Все это так. Да только пусть не играет улыбка на губах у скептика — дескать, и всего-то? Мне вспоминаются на сей счет другие стихи другого русского поэта:

*Братья-писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое —*

*Не было б, точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов, —
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов.*

Слава Богу, Мальцев себе поверил, был и остался мастером, к чему бы ни прикасались его руки.

Михаил ПЕТРОВ,
главный редактор журнала
«Русская провинция»

г. ТВЕРЬ

Алексей МАЛЬЦЕВ

МОГУЧЕЙ СТИХИИ АККОРДЫ

*А Парус над зыбью. Над ним облака.
Идет Он — мятежный — к Тамари,
Белея над бурной стихией стиха
В пронизанном солнцем тумане.*

*Арабскою вязью тисненый кинжал
Утратил язвительность жала,
Но блещет,
чтоб сам венценосец дрожал,
Булатные строки «Кинжала».*

*По склонам окрестным пасу я овец,
Лежит мое стадо на месте.
На круче гранитной сорву эдельвейс
В подарок пастушке-невесте.*

*Но в башне на круче, я вижу, по мне
Царица Тамара скучает,
Рубиновый перстень на ручке в окне,
Как звездочка в небе, мерцает.*

*Беспечный и гордый — я в терем иду,
Целую я ручку Тамары.
Да будут доступны в запретном саду
Безумия жгучие чары.*

*И пусть себе ангел коварство таит,
В ущелье беснуется Терек.
Он грешника в сумраке волн отрезвит
И вынесет утром на берег.*

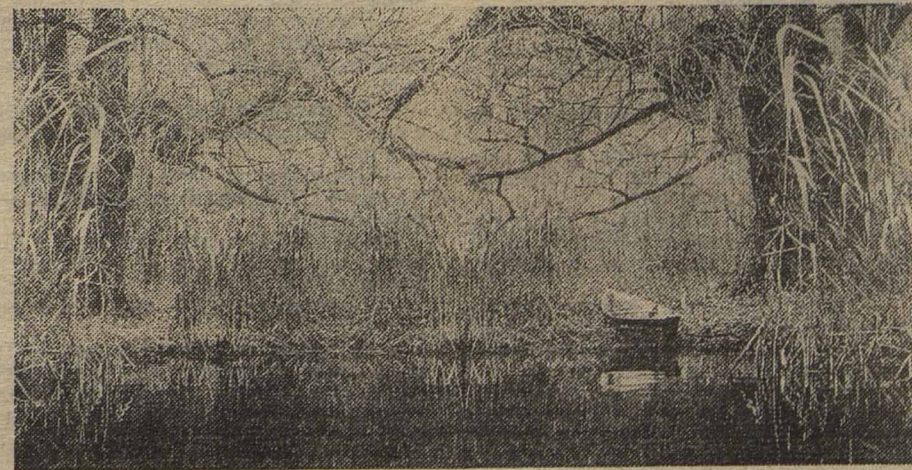
*Часы откровений в ночной тишине.
Мир низенькой нашей лачужке!
Поведаю я о Тамаре-княжне
Моей благодушной пастушке.*

*Над сонным селеньем в дозоре Луна.
Ты брови не хмурь, дорогая,
Когда улыбается пери княжна,
Признанья мои... отвергая.*

*Как друг неизменный
в печальной судьбе
Прекрасной, возвышенной пары,
Откроюсь в своих состраданиях тебе
К жестоким мученьям Тамары.*

*Они неотступны ни ночью, ни днем,
Гнетущие пытки сомнений, —
Чтоб вновь пред Всевышним
и в блеске былом
Предстал Он — загадочный Гений!*

*Он камень не желчью —
слезою прожжет,
Горячей слезою надежды...*

*Но чужды Тамаре: янтарный чертог
И снятые с радуг одежды.*

*К чему же земной неземные дары:
С Венеры венец лучезарный,
В лазоревой дымке созвездий миры,
Что стынут в дали несказанной?*

*Тревожно и грустно в душе моей бьют
Могучей Поэмы аккорды.
Найдет ли в пустынях Вселенной
приют
Скиталец мятежный и гордый?*

ПОСЛЕДНИЙ ВАЛЬС (Гимн Поденке)

*Над тихим омутом реки,
Над ивами прибрежными*

*Кружились в танце мотыльки —
Поденки белоснежные.*

*И в брачном вальсе, полном нег,
Рой белоснежный кружится,
Как белый снег, как белый снег,
Когда метель завьюжится.*

*«Вдохни в нас, Боже, пыл и страсть
И дай нам легкокрылие... —
На мотыльков любуюсь властью,
Просили Бога Лилии. —*

*Мы вырвемся из плена вод,
Холодного и мрачного,
В огонь заката, в хоровод —
В костер их танца брачного!»*

*Пой, Соловей, певец любви
И счастья безмятежного, —
Но хоровод наш не зови
На ритмы вальса нежного.*

*Лишь, завихряя круговерть,
И шелкай, и присвистывай:
Последний вальс торопит Смерть,
Последний вальс — неистовый!*

*Гори свечою, Чудо-Жизнь,
Чтоб дать нам озарение!
Остановись, остановись,
Прекрасное Мгновение!*

*Звучали Гимны соловья
Любимейшим, желаннейшим...
Увы, на дно небытия
С высот блаженства канувшим.*